

Пекинский университет находился в старом районе города. И хотя это было престижное учебное заведение с долгой историей, напротив него располагалась обычная уличная аллея еды, в основном с дешёвыми закулочными. Главное, тут была доступность.

Когда Лу Линь учился, он знал об этом месте, но ни разу не заходил.

Сегодня был последний день перед каникулами, только закончилась сессия, и на аллее еды толпились люди плечом к плечу. Янь Хэцин, держа за руку Лу Линя, петлял между лавками, поворачивал то влево, то вправо, и спустя минут десять наконец остановился у небольшой забегаловки, где продавали варёные на бульоне шарики.

Магазинчик был крошечным — всего четыре-пять квадратных метров. В этом районе, где земля на вес золота, даже такая крошка стоила немалых денег.

Перед входом был натянут небольшой тент от солнца и дождя, места он не занимал, но как раз прикрывал покупателей.

Несмотря на скромные размеры, в лавке было чисто. Хозяйка, седая старушка, держала всё в порядке. Решётчатая кастрюля сияла от чистоты, в кипящем бульоне на бамбуковых шпажках аккуратно по категориям выложены продукты:

рыбные шарики, креветочные, крабовые палочки, колбаски, говяжьи шарики, мешочки с икрой, мягкий тофу, белая редька, узелки из ламинарии...

Особенность лавки была в том, что в одной шпажке был всего один кусочек.

Старушка ничего не спрашивала: просто вытащила два бумажных стаканчика размером как средний стаканчик чая с молоком и ловко зачерпнула по одной шпажке каждого вида. Стаканчики были полными. Загремел гром, начался дождь. И она добавила сверху по половнику горячего бульона, прежде чем передать еду.

Янь Хэцин заплатил 20 юаней и, отступив в сторону, передал один стакан Лу Линю: “В этой лавке порция стоит десять юаней, выбора нет”.

Кап-кап-кап-кап.

Крупные капли дождя барабанили по крыше тента — звонко и чётко.

Очень скоро начался настоящий ливень. Ещё минуту назад шумная аллея еды вмиг опустела — люди в спешке прятались в ближайших лавках.

Янь Хэцин и Лу Линь остались под тентом, места хватало ровно на двоих. Стоило сделать шаг

вперёд, и ты оказывался под дождём. Капли срывались сплошным потоком, как оборванные нити.

Небо потемнело. Лавки напротив одна за другой включали свет. Старушка тоже включила лампочку, тёплая лента света на тенте вспыхнула, мягкий оранжевый свет упал на изогнутые брови и глаза юноши. В уголках губ у него играла лёгкая улыбка.

“Если не понравится — отдавай мне”, — сказал он.

Лу Линь принял стакан и вытащил белую редьку. Только собрался надкусить, как Янь Хэцин открыл рюкзак, достал оттуда телефон с воткнутыми наушниками, снова застегнул рюкзак и закинул его на правое плечо.

Повернувшись боком, он протянул Лу Линю правый наушник: “Послушаем вместе? Под музыку еда кажется вкуснее”.

Наушники были проводные, чёрные.

Лу Линь переложил стакан в другую руку, взял наушник и вставил его в ухо.

В то же время Янь Хэцин открыл музыкальное приложение, затем убрал телефон в карман, повернул голову и, глядя на пелену дождя перед собой, молча начал есть.

В наушниках зазвучало бодрое и ритмичное вступление, заглушив грохот грома и шум ливня. Вскоре запел мужской голос — это была песня на иностранном языке:

The name of that ship was the Billy of Tea>

*

Лу Линь не оборачивался, его чёрные глаза остановились на левом ухе Янь Хэцина.

Свет мягко очерчивал изгиб его уха, оно было красивой формы. Но на коже были заметны тонкие вытянутые рубцы: следы ран, где уже выросла новая ткань. Цвет этих участков был даже светлее, чем остальная кожа — резкий, почти ослепительно белый.

В наушнике всё ещё звучала песня:

Oh blow, my bully boys, blow, huh

Soon may the Wellerman come

To bring us sugar and tea and rum

...

When down on her a right whale bore

The captain called all hands and swore>

Это была история о моряках, отправившихся в дальнее плавание.

Температура была низкой, бумажный стакан в руках постепенно остывал. Брызги дождя намочили штанины, но Лу Линь всё так же смотрел на Янь Хэцина. Спустя мгновение он заговорил: “Как называется песня?”

“Wellerman. Говорят, у неё такая предыстория: в XVIII веке китобойное судно преследовало кита и, метнув гарпун, тяжело ранило ему хвост, но так и не смогло его поймать. Они долго боролись с китом в открытом море, пытаясь его захватить”, — ответил Янь Хэцин, продолжая жевать. Левая щека у него немного округлилась от еды — и выглядел он сейчас особенно по-юношески. (прим.- считается, что на основе этой китобойной легенды был впоследствии написан роман “Моби Дик” Г.Мелвилла)

“Некоторые компании отправляли корабли с провизией для этих китобоев”, — продолжал Янь Хэцин: “И моряки называли такие суда Wellerman”.

Он вдруг повернул голову. В его светлых глазах отражался неукротимый ливень, и он серьёзно спросил:

“Господин Лу, как вы думаете, чем всё закончилось? Китобои поймали кита или кит их победил?”

Лу Линь посмотрел на него пристально и в ответ спросил: “А каков твой конец?”

Янь Хэцин слегка улыбнулся, вновь перевёл взгляд на дождь. Его густые ресницы изредка дрожали, особенно красиво выделялись нижние, будто выведенные тончайшей кистью, чёткие, одна к одной.

“Не знаю. Но я надеюсь, что победил кит”.

Лу Линь тоже повернулся к дождю, взял слегка остывший ломтик редьки и откусил. Неясно, была ли редька действительно так хорошо проварена или дело в музыке, но вкус показался особенно приятным, насыщенным, сладковатым. Даже вкуснее, чем у редьки за несколько сотен в ресторане.

Проглотив, он снова заговорил: “Тебе нравятся киты?”

В океане жил один кит, издающий звуки на частоте 52 Герц. Его сородичи использовали частоты от 15 до 25 — они никогда не могли услышать его сигнал.

У Янь Хэцина в WeChat стоял ник: 52 Герц.

Янь Хэцин доел мясной шарик, слегка опустив голову, вытащил новую шпажку с белым тофу.

“Да”, — ответил он и надкусил.

“Хочешь увидеть их?”

Янь Хэцин вдруг замер, теперь уже он посмотрел на Лу Линя: “В океанариуме? Не хочу”.

Он на секунду замолчал, и в его взгляде мелькнул слабый отблеск: “Не из-за билетов. Просто не хочу смотреть на тех, кто в неволе”.

“Я говорю о китах в море”, — Лу Линь тоже достал шпажку с мясным шариком: “Когда хорошая погода, мы выходим в открытое море. Часто попадаются стаи китов и дельфинов”.

Он съел шарик в один укус, повернул голову, встретился с глазами Янь Хэцина.

“Следующим летом. Поедем на морскую рыбалку вместе?”

□□*

Лу Линь вернулся в свою квартиру в центре города.

Это одна из его собственных квартир. Большая квартира площадью более 300 квадратных метров, с террасой и бассейном. Она находится недалеко от штаб-квартиры корпорации Лу. Когда он задерживался на работе допоздна, обычно возвращался именно сюда.

Сначала он принял душ и переоделся, затем вернулся в гостиную. Он приготовил себе бокал негрони. Такой же, как тогда в баре, что смешал Янь Хэцин, добавив несколько капель оливкового сока.

Хотя квартира находилась в самом шумном и оживлённом районе, высоко над городом было удивительно тихо, почти безмолвно. Лу Линь сделал глоток, поставил бокал, взял со стола мобильный и набрал номер. В ту же секунду, как дозвонился, в его чёрных глазах промелькнул еле заметный блеск, и он сбросил вызов.

Почти сразу телефон зазвонил.

С другого конца провода вежливо спросили: “Босс, есть распоряжения?”

“Нет”, — ответил Лу Линь.

“Понял, не будем мешать вашему отдыху. Спокойной ночи”.

Тишина снова вернулась. Лу Линь вошёл в WeChat. Переписка с Янь Хэцином была самой первой.

Он открыл мини-программу...

Сияющий белый кит в океане постепенно превращался в золотую рыбку, а по поверхности воды вспыхивали искры света, словно звёзды.

Всё быстро закончилось. Лу Линь поднял бокал, слегка запрокинул голову, допил до дна, поставил бокал, встал, подошёл к прихожей, схватил пальто, надевая его на ходу, и зашёл в лифт.

Через три часа, около восьми вечера, он прибыл на виллу на склоне горы. Там было холоднее, чем в центре города. Снег, выпавший прошлой ночью, ещё не растаял. Лу Линь вошёл в дом, снял пальто и переобулся, и тут няня вывезла на кресле его мать.

Лу Чжичань было уже за шестьдесят, она много лет проходила химиотерапию. Волосы у неё полностью выпали, на голове была надета мягкая шапочка для тепла. Она сильно исхудала, по сравнению с другими женщинами её возраста выглядела намного слабее. Болезнь оставила отпечаток на её лице, и это невозможно было скрыть. Но когда она увидела Лу Линя, в её глазах, прежде безжизненных, как стоячая вода, вдруг вспыхнула искра. Она улыбнулась и спросила:

“А Линь, как это ты приехал?”

Её болезнь требовала полного покоя, и обычно Лу Линь навещал её раз в неделю, строго по расписанию.

Сегодня был не тот день.

Он ускорил шаг, затем присел перед Лу Чжичань и бережно заправил за неё плед. Уже несколько лет как её ноги отказали, и даже летом у неё зябло в костях, она постоянно была укрыта одеялом.

Глаза Лу Чжичань были полны ласки. Она с усилием подняла сухую руку, будто на голых костях была натянута вымоченная белая кожа, и осторожно погладила Лу Линя по макушке: “Твой отец снова устроил скандал?” — тихо кашлянув, добавила: “Не обращай на него внимания, делай то, что сам считаешь нужным”.

Лу Линь поднял голову и слегка улыбнулся: “Нет, просто мимо проезжал, решил заехать взглянуть на тебя. Скоро уеду”.

Лу Чжичань не стала его разоблачать.

Лу Линь поднялся, кивнул сиделке, и та передала ему кресло-каталку, а потом ушла в свою комнату. Он медленно покатил мать в гостиную: “Женьшень, что я привозил в прошлый раз, съела? Если что, ещё пришлю”.

“Ещё есть, я почти не ем, себе оставь”, — раз ребёнок пришёл, Лу Чжичань разговорилась: “Хорошо, что ты занялся детским приютом.. Та девочка, у неё никого нет, женщине одной в этом мире непросто. Можешь помочь — помоги. Твой отец и брат, они перед ней виноваты”.

Речь шла о Сюй Цяоин.

Лу Линь кивнул: “Я помогу”.

“А ты сам?” — Лу Чжичань вдруг обернулась, её улыбка была тёплой: “Не встретил ещё подходящего ребёнка? Если встретишь, обязательно приводи ко мне. Я не боюсь, если будет шумно”.

Когда они добрались до гостиной, Лу Линь остановил кресло, встал за спиной матери и стал мягко массировать ей плечи. Его чёрные глаза были глубоки и серьёзны.

“Если встречу — обязательно приведу”, — сказал он.

Они ещё немного поболтали. Когда Лу Чжичань начала уставать, Лу Линь отвёз её в спальню, осторожно перенёс на кровать, укрыл одеялом, присел рядом и сказал: “Я расскажу тебе сказку”.

Лу Чжичань с удовлетворённой улыбкой закрыла глаза: “Давай”.

“Моряки в море охотились на кита. Они его ранили, но так и не смогли поймать”.

Лу Чжичань подождала немного, но продолжения не последовало. Она открыла глаза: “А потом?”

Лу Линь смотрел на неё с глубокой задумчивостью:

“У этой истории нет конца. А какой конец ты бы хотела?”

Лу Чжичань не задумывалась: “Конечно, чтобы кит вернулся в океан”.

Лу Линь слегка улыбнулся, больше ничего не сказав. Он ещё раз проверил, хорошо ли укрыта мать, тихо пожелал: “Добрых снов”.

После этого встал, вышел из комнаты, выключил свет и прикрыл дверь.

Он ещё раз вызвал сиделку и домашнего врача, дал им несколько указаний. И только тогда сел за руль и уехал.

*

В тускло освещённой комнате горела лишь настольная лампа у изголовья кровати. Холодный ветер стучал в окна. Казалось, вот-вот снова разразится сильный ливень.

На потолке отражалась радужная полоска света. Янь Хэцин медленно вертел световой куб, а спустя некоторое время положил его обратно на тумбочку, выключил свет и лёг спать.

*

На следующее утро снаружи всё было затянуто густым туманом. Янь Хэцин вышел из дома и только тогда заметил, что на земле лежит толстый слой снега.

Оказалось, ночью шёл не только дождь, но и снег.

Янь Хэцин повыше натянул тёплый чёрный вязаный шарф, зашагал по чистому снегу и направился к станции метро.

Когда тётя Чжан увидела, что Янь Хэцин снова пришёл, то была удивлена: “Разве ты не раз в неделю приходишь?”

Янь Хэцин присел и привычно начал убирать использованные подгузники: “Экзамены уже позади. До Нового года я буду приходить каждый день”.

Хотя так, может, и не совсем правильно, в душе тётя Чжан чувствовала огромное облегчение. Янь Хэцин был спокойным, работающим, помогал ей по-настоящему, снимая часть её ноши. Частые визиты такого помощника просто счастье! Она с улыбкой сказала: “С таким ребёнком,

как ты, твои родители, наверное, на седьмом небе от счастья”.

В этот момент к двери подошла Сюй Цяоин. Услышав слова тёти Чжан, она замерла, посмотрела на Янь Хэцина, поколебалась, но всё же решила уйти. Тётя Чжан заметила её и поспешно окликнула:

“Учитель Сюй, того подонка, что вас донимал, поймали?”

Сюй Цяоин мельком взглянула на Янь Хэцина и чуть заметно покачала головой.

Янь Хэцин скатал подгузники, убрал их в мусорный пакет, поднял голову и спросил: “Какой ещё подонок?”

Не дождавшись ответа от Сюй Цяоин, тётя Чжан с возмущением заговорила: “Кто-то, не пойми кто, каждый день клеит на дверь учительницы Сюй гадкие надписи. А в последнее время, как с работы идёт, за ней ещё кто-то постоянно увязывается!”

Янь Хэцин посмотрел на Сюй Цяоин. Та как раз смотрела на него, но, когда их взгляды встретились, она сразу же неловко отвела глаза.

Янь Хэцин поднялся, взял в руки мусорный пакет и сказал: “Если вы не возражаете, я мог бы вас провожать домой в это время”.

Он обращался к Сюй Цяоин. Та вздрогнула, хотела было отказаться, но тётя Чжан уже вмешалась: “Конечно, пусть провожает! Если рядом будет мужчина, тот подонок испугается. Эти отбросы любят приставать к одиноким женщинам. А наш младший Янь хоть и молодой, но, можно сказать, как сын вам!”

Тётя Чжан ничего не знала о прошлом Сюй Цяоин, считала, что та просто придерживается принципа “без брака и без детей”. Но когда Сюй Цяоин услышала слово “сын”, сердце её сжалось от боли. Только что она и сама задумалась, увидев Янь Хэцина, она непроизвольно вспомнила Лу Мучи. Лу Мучи был всего на несколько лет старше Янь Хэцина.

“Не нужно”, — тихо сказала Сюй Цяоин.

Тётя Чжан вытирала руки и с несогласием сказала: “Я знаю, ты замкнутая, не любишь с людьми сблизиться, но младший Янь совсем другой. Он замечательный мальчик”.

Сюй Цяоин кивнула: “Я знаю”.

Она просто не хотела снова утруждать Янь Хэцина. Он уже дважды ей помогал: один раз с зонтом, второй — когда Лу Линь приезжал в приют.

На самом деле Сюй Цяоин и Лу Линь виделись всего несколько раз. Когда она выходила замуж за Лу Ханя, Лу Линю было всего пять лет. Позже, после развода с Лу Ханем и ухода из семьи Лу, Линю было не больше десяти. Только по праздникам старик Лу приглашал его домой на каникулы.

А нынешнего Лу Линя она узнала лишь благодаря постоянным новостям о корпорации Лу.

“Вы боитесь побеспокоить меня?” — неясно когда Янь Хэцин подошёл и встал прямо перед ней.

Сюй Цяоин нервно теребила пальцы, но всё-таки тихо кивнула.

“Нет”, — с лёгкой улыбкой ответил Янь Хэцин: “Всего несколько дней. Отпугнём подонка и всё. Это не обуза”.

На самом деле Сюй Цяоин очень боялась. Несколько раз ей казалось, что за дверью кто-то ходит, и она замирала в ужасе, не смея издать ни звука. К счастью, ничего не случилось, но если так продолжится, её нервы попросту не выдержат. Она наконец взглянула на Янь Хэцина и уточнила:

“Правда, это не будет тебе в тягость?”

Янь Хэцин мягко улыбнулся: “Совсем нет”.

Только тогда Сюй Цяоин немного расслабилась и кивнула.

*

Ужин в тот день решено было провести прямо в приюте. После приезда Лу Линя еда в столовой значительно улучшилась: корпорация Лу увеличила финансирование.

Начинался легкий снегопад, воздух был сырым и холодным. Янь Хэцин раскрыл зонт и пошёл справа от Сюй Цяоин. Сюй Цяоин была на голову ниже Янь Хэцина, и вот уже больше десяти лет она привыкла быть одна. Сейчас эта сцена выглядела так, словно Янь Хэцин и в самом деле был её сыном.

На лице Сюй Цяоин наконец появилась тёплая улыбка. Она сама первой мягко спросила: “А сколько тебе лет?”

“Восемнадцать”.

Он на пять лет младше её сына. В её взгляде появилось особое тепло:

“Волонтёрить в приюте тяжело, наверное?”

Янь Хэцин тоже слегка улыбнулся: “Я прихожу только иногда. Это вы тут по-настоящему устаёте”.

Но Сюй Цяоин покачала головой. Она смотрела вперёд. Тонкие снежинки временами скатывались по зонту. Она не детей из приюта спасала — это они исцеляли её. С тех пор как она ушла из семьи Лу и рассталась со своим ребёнком, её жизнь стала хуже смерти. И только когда она увидела объявление о приёме на работу в приют, у неё появилась возможность продолжить быть матерью, пусть и в другой форме.

Они оба молчали. Зайдя в метро, Сюй Цяоин повела Янь Хэцина на первую линию. Жила она очень далеко от приюта. Надо было проехать весь город с запада на восток, больше двадцати станций. Вышли из приюта в шесть тридцать, а у места проживания Сюй Цяоин оказались почти в девять.

Неожиданно очень оживлённый район.

Один из самых развитых кварталов нового района.

Янь Хэцин знал это место, недалеко находилась компания Лу Мучи.

Сюй Цяоин указывала ему дорогу. Проходя мимо магазина, Янь Хэцин передал ей зонт и попросил немного подождать. Он выскочил из-под зонта и забежал в магазин.

Когда вышел, в руке у него был пакет. Снег шёл крупными хлопьями, и Сюй Цяоин поспешила к нему, чтобы накрыть его зонтом. Янь Хэцин тоже перешёл на бег.

Когда он вновь оказался под зонтом, его волосы и шарф были усыпаны снежинками. Сюй Цяоин колебалась, стоит ли стряхнуть снег, но Янь Хэцин уже поднял пакет и слегка потряс его. Красивые черты лица смягчились, уголки глаз изогнулись в лёгкой улыбке: “Я купил камеру наблюдения. Сейчас установлю. Если кто-то посторонний появится — сразу будет сигнал тревоги”.

У Сюй Цяоин защипало в носу. Она кивнула.

Она жила в квартире напротив офисного здания. Квартира была крошечная: одна спальня и маленькая гостиная, очень тесно. Янь Хэцин стал устанавливать камеру у входной двери. Гостей у неё не бывало, и она растерянно открыла пакет с молоком, подогрела его в микроволновке и торопливо подала Янь Хэцину: “Выпей немного горячего молока”.

Янь Хэцин не стал церемониться. Он взял стакан, сделал глоток и улыбнулся: “Спасибо”.

Сюй Цяоин почувствовала себя неловко: “Это я должна тебя благодарить. Я тебе переведу деньги за камеру, обязательно прими”.

Она достала телефон.

Янь Хэцин тоже не стал отказываться. Достал телефон: “Сто двадцать юаней. Давайте добавим друг друга в WeChat. Если в следующий раз заметите, что кто-то вас преследует или доставляет неприятности — сразу пишите мне”.

Сюй Цяоин улыбнулась, добавила Янь Хэцина в WeChat, перевела ему деньги и с некоторой грустью сказала: “У меня есть сын. Он такой же высокий и красивый, как ты”.

Янь Хэцин допил оставшееся молоко, прищурился и сказал: “А моя мама такая же, как вы — добрая и красивая”.

Сюй Цяоин давно уже не чувствовала себя по-настоящему счастливой. После установки камер наблюдения она нарезала очень сладкую дыню Хами и настояла, чтобы Янь Хэцин съел хотя бы кусочек, прежде чем уйти.

*

Выйдя из апартаментов, Янь Хэцин немного приподнял взгляд. Напротив сияло огнями коммерческое здание. Компания Лу Мучи находилась на самом верхнем этаже.

Отведя взгляд, он опустил зонт и повернул обратно домой.

Лу Мучи сегодня не пошёл в офис. Он пил в баре с друзьями.

Пригласили несколько молодых парней и девушек из эскорта. Все знали, что Лу Мучи предпочитает мужчин. Самый красивый из “мальчиков” тут же начал к нему липнуть. Лу Мучи не оттолкнул, он обнял того за тонкую талию, закинул ноги на стол, а в пальцах держал сигарету, то мерцающую, то затухающую. По его виду было ясно, что настроение у него паршивое.

Один из друзей, заигрывая с девушкой, украдкой бросил взгляд в его сторону: “Молодой господин Лу, ты что, думаешь о младшем господине из семьи Линь?”

При упоминании Линь Фэнчжи глаза Лу Мучи потемнели. С тех пор как прошёл свадебный банкет, они больше не общались. Да и он сам не собирался выходить на связь.

В этот момент приставший к нему парень опустил руку вниз, начав ласкать Лу Мучи. Но тот резко отдернул руку, с силой оттолкнул его и встал, широкими шагами направившись к выходу.

Все в комнате опешили, особенно тот самый парень, больно ударившийся о спинку дивана и теперь глядевший с обиженным видом.

А Лу Мучи, впрочем, был в порядке, просто ему вдруг стало тошно от всей этой жизни. Выпивка и постель, больше ничего. А густой аромат духов от парня и вовсе вызвал у него отвращение.

Выйдя из бара, он ещё не дошёл до парковки, как снежинки начали оседать на его лицо. Одна растаяла на кончике носа, оставив после себя лёгкий, чистый аромат... словно с лёгкой ноткой сливы.

Лу Мучи обернулся. Рядом цвела усыпанная цветами слива. Уличный фонарь окутывал её мягким светом, лепестки казались покрытыми лёгким сиянием, от дерева доносился еле уловимый сливовый аромат.

Неожиданно он подумал о Янь Хэцине.

И вдруг у него появилась цель.

<http://bllate.org/book/15726/1407448>